

О предмете лингвистического источниковедения

Для современного развития науки характерно возрастание роли так называемых прикладных, вспомогательных научных дисциплин, приобретение ими самостоятельного значения, приближение этих научных областей к разряду основных. В подтверждение данного положения можно было бы указать, например, на судьбу текстологии и прикладного языкознания. В том же направлении развивается и источниковедение, которое, если иметь в виду, скажем, историю СССР, «заняло видное место в преподавании исторических предметов как дисциплина, формирующая научную подготовку историков»¹. Однако источниковедение развивается в целом как наука, преимущественно, если не исключительно, связанная с историей, в то время как и другие гуманитарные науки, прибегающие нередко к тем же источникам, нуждаются в разработке специализированного источниковедения, которое могло бы удовлетворять их особым, специфическим потребностям. Относительно науки о языке можно сказать следующее: источниковедения, обслуживающего специально нужды лингвистики, во всяком случае отечественной, пока не существует. А между тем успешное развитие советского языкознания в настоящее время зависит не только от всемерного усовершенствования старых методов исследования и разработки новых методов, но и введения в область исследования новых лингвистически аннотированных и квалифицированно подготовленных для изучения источников. Так, решение

---

¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 3.

наиболее актуальных проблем истории русского языка в значительной мере ограничено кругом изданных источников и неразработанностью вопросов источниковедения в лингвистическом плане.

Опираясь только на опубликованные источники, нельзя и приблизительно выяснить соотношение, а также взаимодействие южно- и северновеликорусских элементов в эпоху развития русского национального языка, нельзя воссоздать конкретную картину его братских исторических связей с украинским и белорусским языками. Представляется затруднительной на этой базе и более или менее содержательная характеристика народно-разговорной речи XVI—XVII вв., а в сравнении с ней и русского литературного языка того же самого времени. По одним опубликованным источникам невозможно с уверенностью установить и географию существенных явлений в истории русского языка и их хронологические рамки, если иметь в виду период национального развития. Все эти затруднения связаны в основном с двумя обстоятельствами: 1) крайней малочисленностью публикаций памятников южновеликорусского происхождения; 2) едва ли не полным отсутствием изданий тех категорий источников, например материалов частной переписки, которые наиболее ярко отражали живую народную речь. Помимо причин иного порядка, что было уже отмечено², такое положение в известной мере сложилось и вследствие неразработанности вопросов источниковедения в лингвистическом аспекте. По этой причине оставались в забвении, к примеру, огромные фонды деловой письменности XVI—XVII вв., лингвистическое значение которых неценимо. Публикация текстов подобного рода осуществлялась только историками и, естественно, без учета лингвистических интересов. К тому же под влиянием давней традиции обыкновенно издавались только тексты неюжновеликорусского происхождения, поэтому значительная зона распространения русского языка, с большой плотностью населения, по данным письменности вообще не изучалась. Мы пока не имеем вполне исчерпыва-

---

² См.: С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 34; о н же. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963, стр. 3, 6—7.

вающих обобщающих характеристик и оценок в лингвистическом плане таких важнейших категорий источников по истории русского языка, как материалы частной переписки, деловая письменность, словари, житийная литература и т. д. Словом, вне поля зрения историков русского языка остается масса древних рукописей исключительного значения.

Но дело не только в этом. Данные многих рукописей, которые не подвергались источниковедческому анализу в лингвистическом аспекте, получают иногда неправильное истолкование.

Необходимость специализации источниковедения применительно к науке о языке, истории и литературоведению вытекает из специфики этих наук, с чем связано и различное отношение к содержанию одного и того же источника. Содержание источника интересует лингвиста главным образом с той стороны, в какой степени и как именно обусловлено им употребление в источнике тех или иных средств языка. Напротив, историк касается языковых качеств источника (что, впрочем, бывает редко и выражается в крайне общей форме) лишь с целью выяснения, в какой мере последние способствуют выявлению содержания или, наоборот, затемняют его. Литературовед в своем отношении к языковым свойствам источника, в пределах, допускаемых спецификой его науки, известным образом синтезирует эти два подхода. Уже одного этого различия в подходе к одним и тем же источникам (скажем, древнерусским текстам) было бы достаточно для обоснования специализации источниковедения. А ведь кроме данного круга источников, общих для этих наук, каждая из них располагает своей особой массой источников, к которым другие научные дисциплины либо вовсе не имеют отношения, либо используют эти источники в минимальной степени.

К выделению специального, лингвистического направления в источниковедении побуждает и необходимость выяснения ряда существенных и частных вопросов эдиционной теории. Необходима дальнейшая разработка типов и принципов лингвистического издания, и в частности решение вопроса о сферах и границах применения в том или ином типе издания принципов дипломатической и критической публикации. С учетом разных типов издания нуждаются в научном обосновании вопросы эдицион-

ного восполнения³, как условного (по современным нормам), так и ориентированного на графико-орфографические нормы рукописи или представленное в ней реальное языковое состояние. Актуальной задачей является и усовершенствование транскрипции с тем, чтобы выполняемое средствами последней воспроизведение рукописных текстов было наиболее точным. Порой и достаточно простые случаи воспроизведения в издании рукописного текста и деления его на слова сопряжены с известными затруднениями и требуют лингвистической аргументации. Обратимся к одному из таких затруднений.

Отражение в письме диалектной фонетики нередко имеет своим следствием такое слияние предлога и слова, к которому он относится, что границу между ними установить нелегко, иногда и совсем невозможно. Ситуация второго рода обыкновенно бывает связана с появлением такого согласного элемента, который выпадает из морфемной структуры сочетающихся слов. Появление подобного согласного элемента наблюдаем в определенных консонантных условиях, например между звуками *з* и *р*, причем не только в скорописи, но и ранних древнерусских текстах, написанных уставом и полууставом. Так, в Изборнике 1076 г. встречаем написание *издроуки*, что значит «из руки». Поскольку здесь появление *д* обязано определенному фонетическому условию, возникшему на стыке предлога и имени, — консонантным свойствам конца одного и начала другого слова, включать его в предлог (*издроуки*) или, напротив, имя (*издроуки*) оснований не имеем, тем более что *д* выпадает из морфемной структуры слов. Остается либо принять слитное *издроуки*, или выделить «вставное» *д*, например посредством дефиса: *из-дроуки*. Второе едва ли лучше первого, так как с дефисом связаны и объединительные ассоциации. Ср. современные написания вроде *иван-дамарья* (растение), *Ростов-на-Дону* и т. п. Кроме того, употребление дефиса так или иначе модернизирует воспроизведение рукописного слова. Если говорить о лингвистическом издании, должно быть оставлено слитное *издроуки*, а в подстрочном примечании желательна

---

³ См.: С. И. Котков. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками. — «Лингвистическое источниковедение». М., 1963, стр. 15.

помета: **издроуки** — из роуки. В издании, которое рассчитано не только на языковедов, но и специалистов других областей знания, в текст предпочтительней было бы включить «пояснительный» вариант, т. е. **из роуки**, а в подстрочном примечании отметить слитное написание. Для подобного рода изданий можно было бы предложить и иное, по нашему мнению, более приемлемое решение. Рекомендуем воспроизведение **из д роуки**. Такое изображение в строке «вставного» *д*, с одной стороны, сохраняет весь фонетический облик написания, а с другой — достаточно отделяет предлог от существительного.

В говорах между *з* и *р* вероятно появление и звука *г*, положим: *разгешить* (значение «разрешить»). Отражение подобных фактов в старинной русской письменности не исключено. Приведенный пример интересен тем, что в некоторых контекстуальных условиях заключает возможность переосмысления — понимания его как производного от *грех*. В этом случае вопроса об особых приемах передачи *г* не возникает, но искажается смысл написанного. При правильном понимании слова применение особого приема необходимо. Наиболее приемлемо *разгешить*. Поскольку *г* — не на стыке слов, пробелами с обеих сторон оно не выделяется. Так сохраняется единство слова и вместе с тем графически «редуцируется» элемент, затемняющий его структуру.

Касаясь вопросов издания памятников, обыкновенно освещаемых в археографии, мы исходим из того, что последняя не может заниматься таким рассмотрением источников, которое отвечало бы специальным запросам лингвистов. За этой наукой должно оставаться общее, формальное описание источников, удовлетворяющее условиям первичного, не дифференцированного по специальностям ознакомления с ними исследователей.

Разработка специальной науки о лингвистических источниках предполагает прежде всего выяснение самого понятия «лингвистический источник». Язык материализуется в произношении и письме. В соответствии с этими формами материализации лингвистический источник представляет собой либо непосредственное (инструментально-физическое), либо опосредствованное (графическое) закрепление языкового материала в виде слов или их элементов, обладающего определенным внутренним единством, от древнеписьменного языка памятника до текста

современного художественного произведения и магнитофонной ленты. Соответственно источники делятся на слышимые и читаемые. Помимо источников, объективно сложившихся, лингвисты имеют в своем распоряжении источники и иного рода, в образовании которых принимают участие, объем и характер которых заранее ими определяются, источники с заданными свойствами. Таковы записи устной речи при помощи обычного письма, транскрипции или магнитофона, однако не любые записи, а лишь проводимые по известной программе, и ответы на лингвистические вопросники. И те и другие источники, несмотря на различие происхождения, являются первичными, поскольку в них языковой материал получает свое начальное, первое закрепление. В процессе отбора из этих источников тех или иных лингвистических данных и адаптации этих данных в соответствии с целями исследования или справочной службы образуются новые, вторичные источники, с заданными свойствами. К числу подобных источников относятся, например, разнообразные лексиконы и лингвистические карточки. Заметим при этом, что простое дублирование первичного источника, без отбора и адаптации, не переводит его в разряд вторичных.

Рассматривая источник с точки зрения его лингвистического наполнения и слышимых или читаемых форм проявления последнего, различаем в составе источника лингвистическую содержательность и информационность. Лингвистическая содержательность это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, предопределяемая его содержанием и его отнесенностью к тому или иному языку или диалекту, а также и степенью проникновения науки в материю языка. В некоторых категориях источников (художественная литература и публицистика) характер лингвистической содержательности предопределяется, помимо всего, и стилистическим моментом, потому что языковое оформление одного и того же содержания может быть исполнено в разных стилистических ключах. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих зависимость объема содержательности от проникновения науки в материю языка. Пока звуковое значение каморы, вскрытое впоследствии Л. Л. Васильевым, науке не было известно, соответствующее фонетическое явление, вполне есте-

ственно, не входило в объем лингвистической содержательности изучавшихся древнерусских рукописей, в которых камера с указанным значением была представлена. Когда Н. Н. Дурново удалось выявить определенные типы предупредительного вокализма, объем лингвистической содержательности известного круга диалектных записей пополнился новыми элементами — типологии аканья-яканья. Можно было бы указать и на установление фонетического значения древнерусских ъ и ь.

Информационность источника это прямая или косвенная отраженность в нем лингвистических данных. Если лингвистическая содержательность — понятие собственно языковое, то лингвистическая информационность — скорее, приязыковое: имеет отношение прежде всего к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования (характер графики и орфографии, правописные навыки писцов и т. п.). Объем информации не равен тому, что включает представленный в источнике язык или диалект. Этот объем неизбежно ограничен, во-первых, репродуцирующими возможностями инструментальной записи и графического письма, во-вторых, тем, насколько владеют данными средствами воспроизведения оперирующие ими лица. Так, например, репродуцирующие возможности инструментальной записи могут быть ограничены и техническим состоянием звукозаписывающей аппаратуры и, далее, общим звуковым фоном, на который ложится запись речи в естественных условиях. Вследствие отсутствия в составе графики обычного русского письма знаков для передачи интонации информация о ней из рукописи не может быть получена.

Область науки, которую мы предлагаем назвать лингвистическим источниковедением, — изучение упомянутого рода источников, однако не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности. Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их эдичионного воспроизведения.

К каждому из этих направлений источниковедческого исследования лингвистическая содержательность и информационность имеют неодинаковое отношение. Выявление источников, необходимое для разработки той

или иной языковедной проблемы, предполагает в первую очередь установление в них соответствующей лингвистической содержательности, полной или частичной (фонетической, морфологической, по отдельным явлениям или фактам и т. д.), и только во вторую — выяснение характера ее информационности: внешних проявлений содержательности в источниках. Напротив, выбор из группы источников, однородных по лингвистической содержательности, одного источника для публикации должен иметь своим основанием наибольшую степень его информационности в сравнении с другими однородными. При аннотировании источников в равной мере учитывается и содержательность и информационность, поскольку аннотирование служит целям и систематизации источников и их эдиционного воспроизведения. Систематизация источников может быть построена лишь на базе различий в их лингвистической содержательности. Это обусловлено не только тем, что содержательность — понятие собственно языковое, но и тем обстоятельством, что в пределах лингвистически однородной группы источников (например, отказов земельных угодий в определенном уезде, хотя бы и написанных разными писцами) она является величиной относительно постоянной, поскольку источники каждой группы возникают на почве одной и той же лингвистической общности — языка или диалекта. Напротив, информационность по отношению к содержательности можно считать в какой-то мере величиной переменной, зависимой от различных причин более или менее внешнего и порой индивидуального порядка: от состояния графики и орфографии, правописной выучки писцов, влияния на их речь и письмо иноязычной культуры и т. д.

Попытаемся далее на примере конкретизировать различие между содержательностью и информационностью. Возьмем русскую рукопись XVII в., когда орфографические нормы были довольно зыбкими, написанную заведомо южновеликорусом. Последнее обстоятельство позволяет предполагать наличие в ней такого элемента лингвистической содержательности, как южновеликорусское аканье. Представленное в рукописи как фонетическое явление аканье — элемент лингвистической содержательности, а конкретные случаи его появления, их количество и характер (отражения прямые и косвенные) и соот-

ношение этих случаев — элементы лингвистической информативности. Дополнительно следует заметить, что одно и то же написание в зависимости от того, какое, скажем, диалектное образование представляет, может явиться прямым отражением одного лингвистического факта и косвенным отражением другого. Так, например, написание *трова* в условиях северновеликорусских говоров может быть прямым отражением, а в южновеликорусских — косвенным (непрямым указанием на аканье). Прямые отражения представляют собой непосредственную информацию, косвенные — и непосредственную (например, указание на аканье в *трова*) и реализующуюся через посредство некоторых прямых отражений, вроде, скажем, указаний на фрикативный характер *г* в написаниях типа *денех*, сведений о месте ударения в словах, извлекаемых из печатных и рукописных источников — стихотворений.

Не подвергая сомнению в целом и в массе конкретных случаев вполне объективного характера лингвистической информативности, нельзя, однако, не учитывать влияния моментов, которые могут вносить осложнения, вернее, искажения в объективную информацию рассматриваемых источников. Таково, например, исторически сложившееся совпадение в начертании *ѣ* и *ь* в русской скорописи XVII в. и не менее распространенное в этой скорописи графическое совпадение *в* и *д*, выносных *л* и *н* и некоторые другие. Отметим далее совпадения в начертании отдельных букв, обусловленные индивидуальными особенностями почерка, в старинных и современных рукописях. Сложные моменты действуют в сфере системных соотношений графики и фонетики. Укажем в этой связи на отсутствие в южновеликорусских памятниках бесспорных следов такого явления, как утрата затвора аффрикатой *ч*, когда в реальности явления в эпоху этих памятников сомневаться не приходится. Объяснение данного факта мы склонны видеть в том, что посредством буквы *щ* передавали долгое *ш*, которое в южновеликорусских говорах в XVII столетии было уже твердым; тем самым употребление буквы *щ* для передачи звука *ш'*, естественно, исключалось, а других графических возможностей в алфавите для этого не было.

Исследование источников с точки зрения лингвистического источниковедения означает их оценку в плане

лингвистической содержательности и в плане информации, а не просто по содержанию, графике и орфографии. В этом случае нас интересует не содержание само по себе, а лишь известная обусловленность им специфики его языкового выражения, употребление в том или ином источнике определенного комплекса средств языка — фонетических, грамматических, лексических и т. д. Аналогичным образом рассматриваются и графика и орфография, т. е. не сами по себе, а только с той стороны, в какой мере та и другая обеспечивают объективную лингвистическую информацию или, напротив, не отвечают этому условию. С другой стороны, и отраженные в источнике явления и факты языка или диалекта исследуются не сами по себе, а исключительно в связи с возможностями и формами их проявления в источнике. Закрепляемые в источниках определенными средствами фиксации явления и факты языка всегда претерпевают преломление, обусловленное свойствами этих средств (инструментально-физических и графических). И если в языкознании исследуется преломляемое, а в соответствующем разделе физики, а также в графике и орфографии изучаются средства его фиксации, их преломляющие свойства, то задачей лингвистического источниковедения является исследование в лингвистическом аспекте механизма и закономерностей этого преломления.

В прямой, непосредственной зависимости от конкретного содержания лингвистического источника находится его лексическая содержательность; что касается грамматической содержательности, то она обусловлена содержанием исключительно опосредствованно: слово вне грамматической формы не функционирует, а так как в одной и той же ситуации оно способно выступать не в одном грамматическом оформлении, а в двух или даже нескольких, опосредствованность данной содержательности реальным содержанием становится еще более отдаленной; а обусловленность этим содержанием фонетической содержательности осуществляется самым отдаленным образом, в минимальной степени, пожалуй, только в том смысле, что лексико-грамматическая специфика источника может служить более благоприятной или менее благоприятной предпосылкой для проявления в данном источнике того или иного фонетического факта. Если перед нами лежит, например, старинная запись о сдаче

в оброк для рыбной ловли речки, то наличие в записи слова *речка* самым прямым, непосредственным образом связано с содержанием этой записи, а то, что слово *речка* выступает в данном случае в определенной падежной форме, обусловлено не прямо содержанием, а контекстуальными условиями его выражения, причем не только синтаксического, но и лексического порядка. А написание указанного слова как *речкя*, в чем получило отражение неорганическое смягчение заднеязычных, обусловлено не только произношением писца, т. е. диалектной предпосылкой, но и тем обстоятельством, что в данном случае слово выступает в форме именительного падежа, употребление его в родительном или дательном подобного отражения не обеспечивает. Между прочим, действительное представление о распространении этого фонетического явления в прошлом в южновеликорусских говорах дают только такие памятники южновеликорусской письменности, которые отличаются обильным употреблением личных собственных имен в уменьшительной форме, вроде *Васькя*, *Ларькя*, *Аниськя* и т. п., поскольку однотипные уменьшительные образования из категории имен нарицательных по условиям содержания этой письменности в ней малоупотребительны. Как видим, в этом конкретном случае проявление в старой русской письменности следов интересующего нас явления, достаточных для обоснованного суждения о его реальном распространении, связано, помимо иных, с лексико-семантическим моментом.

Таковы лишь некоторые общие вопросы, исследование которых, по нашему мнению, могло бы положить начало лингвистическому источниковедению, по крайней мере в области русского языка.